

Миха расправил плечи.

Тяжесть скинутой ноши болью отдавалась в спине, гудели ноги в широких кирзовых сапогах. Завтра не будет сил даже с постели подняться.

Над чёрной озёрной гладью расстилалась белёсая дымка, почти полностью скрывая противоположный берег. Он темнел где-то там вдалеке неясной полосой возвышающихся над туманом деревьев.

Ещё час назад ни черта не было видно, но куцый месяц, прорезавшийся сквозь облака, дал немного света и проявил, как старый негатив, мрачный вид холодного озера.

Тишина стояла мёртвая. Миха давно не помнил такой тишины. Впрочем, он не так уж часто помогал Петру с его сомнительными делишками.

Из чащи донеслось тяжёлое пыхтение, хруст сломанных веток и несколько матных слов: Петр таки доволоч лодку. Он вывалился на песчаную плешь, увязая по щиколотку, спотыкаясь и матерясь через слово.

Миха взялся за снасти.

Он развязал один из притараненных мешков и вытряхнул из него аккуратно уложенную мелкую сеть.

— Смотри грузила не запутай, — отпыхиваясь, сказал Петр.

Он уселся на сдутую лодку и закурил. Его лицо терялось во мраке, и лишь огонёк тлеющей сигареты давал Михе понять, куда смотрит приятель. Себе Миха светил фонариком, зажатым в зубах. По металлической поверхности текла и капала в мокрый песок слюна. Миха десять раз пожалел, что поленился взять свой фонарик — налобный. Он стал раскладывать сеть по берегу, стараясь не звенеть грузилами и проверяя каждый поплавочек.

— Так. Я — за насосом и аккумулятором, — сказал Петр, вставая.

— А мне что дальше делать?

— Там в камыше притоплена лодка...

— Ты что! Я один не выволоку.

— Тогда разбирай мешки. Только по суху раскладывай, а то всё увязнет.

И Петр ушёл, оставив Миху одного.

Мешки развязывались с неохотой, отрывая на песок разнообразный скарб: леска, крючки, пакеты с вонючей подкормкой, запасные грузила и блёсны. В последнем мешке обнаружился старый деревянный ящичек, замотанный проволокой.

От ящичка исходил очень странный запах — Миха никак не мог понять, что он ему напоминает. То ли запах бензина, то ли гнилого тряпья.

Чем-то похожим несло от помойки, по которой они шныряли в детстве. Туда сваливали и поломанную технику, и пищевые отходы, и строительный мусор, и книги из закрытых библиотек. Использованные шприцы и просроченные лекарства, пропечённые солнцем скабрзные журнальчики и жёлтые слипшиеся газеты, засохшая масляная краска, протухшее пиво и баранья требуха... Все эти запахи детства всплывали в памяти Михи, но ящик пах иначе.

Сгорая от любопытства, Миха развязал проволоку.

В ящичке лежали восемь цилиндров.

Восемь тёмных, почти чёрных цилиндров с белыми неразборчивыми надписями по бокам.

Затряслись руки. Как можно аккуратнее Миха поставил ящик на песок.

Пыхтя и матюкаясь, появился Петр.

— Это что? — дрожащим голосом спросил Миха, указывая на ящик, — Это динамит?

Петр расхохотался:

— Конечно, динамит. Я сегодня без рыбы не уйду. Надо будет — всё озеро хлопнем.

— Но ведь... но ведь...

"Но ведь это опасно! Это динамит! Мы можем взорваться!" — Миха отлично знал, что такого рода опасность не пугает Петра. Он отмахнётся, какие бы доводы Миха не предложил. Вспомнилось единственное, что могло отрезвить приятеля:

— Но ведь нас услышат! Инспектор нас спалит!

— Да нихрена, — Петр заржал ещё громче, — У инспектора сегодня банька. А в баньке — девки. Инспектору сегодня не до нас.

Он скинул куртку, потому что вспотел, таская тяжести:

— Идём. Надо лодку поднимать.

Чёрная вода казалась бездонной.

Петр ориентировался по торчащим из камыша веткам, и Миха с завистью смотрел, как ловко он водит руками в беззвездном мраке затона, как легко отыскивает колышки и обрывки цепей.

Миха всегда завидовал Петру. Его силе, его наглости и бесстрашию. Сам Миха не то что лодку искать — в затон зайти боялся: кто его знает, что скрывается там в непроницаемой чернильной тьме. Петр шагал во тьму без раздумий.

В считанные минуты он отыскал нужный колышек и, подняв со дна затянутый илом шпагат, бросил конец Михе. Но и тут от Михи было мало проку — почти всю работу по подъёму лодки делал Петр.

Целый час ушёл на то, чтобы слить воду и заделать дыры. Месяц перемахнул середину неба и, словно нож, рассекал тонкую плёнку антрацитовых облаков, скрывающих тусклые звёзды.

Михе выпало плыть первым. На мокрой деревянной лодке.

Он старался не думать о том, что под хлипким полусгнившим дном деревяшки будет почти десять метров кромешного мрака, но одного взгляда на мертвенно поблёскивающую водную гладь хватило, чтобы задрожали плечи.

Делая вид, что стучит зубами от холода, Миха закинул в лодку сеть и встал на вёсла.

Он отплывал всё дальше и дальше от берега, сбрасывая в озеро петлю за петлёй, ориентируясь сначала на огонёк сигареты Петра, а потом — на маячивший чуть левее их стоянки месяц.

Петр, легко поправляя тросиком лик, слушал скрип уключин и тихие всплески падающих в воду грузил. Он считал петли по звуку, прикидывая в уме, как далеко отплыл Миха: четверть озера, треть, середина...

Ещё одно грузило упало в воду, и скрип уключин смолк.

Петр шкурой почувствовал, что что-то пошло не так. Он вскочил и потянул за тросик, натягивая лик. Сеть не убежала, не ушла в сторону, но она и не расправлялась.

— Эй, — крикнул он, — Что там?

Миха ответил не сразу. Петр услышал пару сиплых кудяханий и только потом — дрожащий голос друга:

— Тут женщина в воде...

— Чё блин? — Петр пошарил глазами: они что не заметили лагерь туристов? Но берег, насколько хватало взгляда, был тёмен: — Она мёртвая, или чё?

Снова пришлось подождать ответа. Послышались тихие всхлипы.

— Я не знаю... Она под водой... Смотрит на меня...

— Чё блин... — повторил Петр тихо.

Тросик надо было к чему-то подвязать — не сматывать же сеть. Он подтащил аккумулятор к берегу и примотал трос к "уху". В резиновую лодку полетели фонарь и калёвка.

Когда Петр добрался до Михи, тот сидел на скамейке и смотрел себе в ноги.

— Где?

Миха дрожащей рукой указал за левый борт, Петр толкнулся вёслами.

Она и правда была там: белый призрак, зависший в двадцати сантиметрах от поверхности. Её лицо смотрело вверх, а неподвижное тело растворялось в непроницаемой глубине. Белые пальцы покачивались на уровне подбородка, будто женщина манила, звала к себе.

Ком подступил к горлу, а тело охватил жар.

Петр не мог ничего толком разглядеть, но его кипящий ум уже раскидывал варианты. Он не стал включать фонарь, чтоб убедиться.

— Ты знаешь, кто это? — спросил он Миху.

Миха явно не понял вопроса:

— Я не вглядывался в её лицо.

— Дурак, — усмехнулся Петр, — Нам нужно её поймать.

— Чё блин? — Миха на мгновение перестал дрожать и поднял голову.

— Поймать, — повторил Петр, бросая приятелю край калёвки, — Пойду кругом, а ты держи сеть.

Калёвка погрузилась в воду, Петр толкнулся веслом, потом ещё и ещё.

Заметит ли бледная фигура сеть? Не отнесёт ли её течением?

Петр торопился, боясь упустить свой шанс.

Но калёвка спокойно сделала полукруг, ячейки расчертили висящий в озере призрак на неровные клетки, борта лодок соединились, и Петр сказал Михе: "Тащи".

Миха потянул калёвку, по воде побежали шумные круги — ловушка сомкнулась.

Петр не понимал, почему фигура не движется. Может и правда дохлая?

Он выхватил концы у Михи, подвязал к лодке и пошёл к берегу:

— Сматывай сеть. На сегодня хватит.

Страх понемногу отпустил Миху. Резиновая лодка уплывала, увозя странную белую женщину. Петр, похоже, совсем не боялся.

Что он спросил? Знает ли Миха её? Утопленницу? А разве он должен знать? Может это знакомая Петра?..

Миха направил лодку обратно к берегу, попутно затаскивая мокрую тяжёлую сеть, в частых ячейках которой уже успели запутаться мелкие рыбёшки. Однако рыба его сейчас заботила меньше всего. Он мечтал оказаться дома в тепле, под одеялом. Или, на худой конец, просто на кухне, с ворчливой матерью.

Мысли о том, что собирается делать Петр с их недобрым уловом беспокоили Миху. Он вглядывался в тёмную полосу берега, вслушивался в плеск вёсел, но ничего не мог разобрать.

Когда он подплыл к краю затона, Петр уже вытащил на песок и лодку, и чёрную, как небо, сеть с завернутой в неё бледной фигурой.

Высадившись как можно ближе к затону, Миха нехотя поплёлся к приятелю. Тот стоял над своей добычей, скрестив руки на груди, и мрачно разглядывал сеть.

— Почему она не шевелится? — спросил он задумчиво.

— А разве она жива? — откликнулся Миха дрогнувшим голосом.

Петр посмотрел на него, как на умалишённого:

— Ты до сих пор не понял, кого мы поймали? — он подтащил аккумулятор и достал из лодки фонарь.

Сверкнули подключаемые клеммы, и берег озарился мягким жёлтым светом, вырвав из лап темноты и сеть, и увязшую в ней женщину. Весь остальной мир исчез, отгороженный бесконечным мраком, остался лишь крохотный пятячок электрического света, где были Петр, Миха и...

Теперь он ясно видел синюшные плечи, тонкий изгиб шеи, острый подбородок и спутанные зеленовато-белые волосы. Он видел грудь — небольшую, но явно упругую, увенчанную горошинами тёмных почти чёрных сосков; и плоский живот, практически без талии переходящий в хвост.

— Русалка! — Миху словно пронзило током. Он изогнулся скованный невидимой силой. Хотелось броситься прочь от берега, но он не мог оторвать глаз от этого чуда природы.

Там, где у женщины должны быть бёдра, блестели плотные чешуйчатые плавники. Большим раздвоенным плавником оканчивался и сам хвост.

— Русалка... — повторил Миха. Будто, чтобы поверить в увиденное, нужно было произнести это слово.

Колени подогнулись, Миха упал на песок, едва не теряя сознание. Казалось, мозг просто не в силах осмыслить, охватить и понять этот факт. Он просто отказывался воспринимать русалку, как реальность.

— Ты когда-нибудь слышал, что у нас на озёрах водятся русалки? — спросил Петр, и, не дожидаясь ответа, кивнул: — Вот и я не слышал. Всегда думал, что если что-то подобное и существует, то где-нибудь в южных морях. Там тепло, много пищи...

— Что мы с ней будем делать? Продадим? — Миха пытался удержать себя от падения в бездну, цепляясь за что-то банальное, знакомое, земное.

— Продадим? — снова Петр посмотрел на него, как на дурака, — Конечно продадим. Но сначала трахнем! — он присел на корточки перед сетью, пристально вглядываясь в алебастровое лицо.

— Что? — до этого Миха не мог поверить своим глазам, теперь же ему казалось, что слух подводит его, — Почему? То есть: зачем?

— Ты что, никогда не мечтал трахнуть русалку?

— Так ведь русалку из мультика! А это... это... это же наполовину рыба!

Петр поднял голову и внезапно расхохотался:

— Ну ты тёмный, Миха. Какая же это рыба? — и он указал на грудь, как будто это должно было о чём-то сказать Михе.

— Ты не читал ни Моргана, ни Гарди? — говорил Петр, достав нож и разрезая сеть от хвоста, — Даже Бензе никогда не гуглил? Тёмный ты человек.

Тыльная сторона ножа иногда касалась бледной кожи, и тогда русалка вздрагивала как от удара. Но кроме этого она не шевелилась, словно боялась людей, или притворялась мёртвой. А может быть ей просто было плевать? Может она "бракованная"? Как сосед Михи Влад, что с каждым годом всё больше погружался в себя, а теперь только и делает, что безучастно сидит на обоссанной кровати и тарашится в одну точку.

— Держи её за руки, — Петр грозно посмотрел на Миху, — Не хочу упустить улов.

Спотыкаясь, Миха обошёл тёмное пятно на песке и опустился у головы русалки. Теперь он намного лучше видел её лицо, и оно пугало намного больше, чем всё остальное.

Оно походило на человеческое, и в то же время не было человеческим. Маленький круглый лоб, точно сделанный из необожжённого фарфора, пугал своей мертвенной бледностью. Всю кожу, будто капельки воды, покрывали мелкие пупырышки. Бровей у русалки не было, зато зеленоватые волосы облепили и голову, и шею, и плечи, и даже немного сползали на грудь. Они вились и пружинились кудрями словно живые. Острый маленький нос заканчивался двумя узкими дырочками, как у рыбы, и сразу под этими дырочками начинался ярко-жёлтый плоский клюв. Миха не знал, как ещё назвать это подобие верхней губы. Нижней губы не было вовсе — просто точно такая же алебастровая кожа, уходящая прямо под клюв.

Но самым жутким на этом жутком лице были глаза: две бездонные плоски черноты, не отражающие ни капли света, и потому казавшиеся плоскими и пустыми. Совершенно лишённые век, они тарашились в затянутое облаками антрацитовое небо, чем до одури пугали Миху.

Неподвижность лица русалки и пустые глаза вселяли надежду, что русалка всё-таки "бракованная", и что, что бы не задумал с ней сделать Петр, — она этого даже не поймёт.

Тем временем Петр разрезал сеть до плеч, схватил русалку за запястье и протянул его Михе. Муха тут же прижал тонкую перепончатую ладонь к земле. Следом последовала вторая рука.

Русалка не шевелилась.

Нож сверкнул над белой головой, окончательно уничтожая прекрасную сеть, и Петр отполз к хвосту, лихорадочно переводя дыхание. Было видно, что даже ему всё это даётся невероятным напряжением сил.

— Почему она не пытается убежать? — сказал он. Вопрос не был адресован Михе — его просто нужно было высказать.

— Придётся снимать штаны, — сказал Петр, отдуваясь.

— Как вообще можно это сделать? — Муха пристально рассматривал хвост, но не видел ничего, кроме чуть более тёмных полос, покрывающих бледную кожу.

— Ну, в крайнем случае у неё есть рот, — Петр поднял деревянную палочку и аккуратно приподнял ею "клюв". "Клюв" сложился в уродливую складку, превращая безэмоциональное лицо в гримасу хэллоуинской тыквы.

Под "клювом" оказались острые тонкие зубы похожие на стальные иглы.

— Не-ет, — Петр отдёнул палочку, — совать туда член рисково. Но ведь как-то эти твари размножаются!

Он коснулся маленькой упругой груди — русалка вздрогнула. Муха почувствовал, как дёрнулись тонкие руки, едва не вырвавшись из его хвата. Для столь маленького существа она была невероятно сильной.

— Холодная, — восторженно прошептал Петр, — Наверное для неё я просто кипяток.

Его ладонь скользнула вниз по пупырчатой коже. Муха неотрывно следил за ним и будто сам прикасался к плоскому животу и покатоному невыразительному хвосту. Ему казалось, что там, где её касается Петр, русалка на ощупь, как латекс.

Петр тронул хвост точно в середине меж плавниками — там, где сходились и вновь расходились тёмные полосы. Из ноздрей русалки со скрипом вырвался воздух. Она приподняла голову, словно пыталась рассмотреть Петра, и вновь сделалась неподвижной.

— Так вот, где у тебя дырочка, — довольно ухмыльнулся Петр.

Он надавил кончиком пальца на пересечение полос и слегка сдвинул едва заметную кожистую складку. Миха не видел того же, что и приятель, но кажется Петру зрелище понравилось. Он поднялся во весь рост и расстегнул ремень.

До сей поры Михе ни разу не доводилось видеть член Петра, хотя среди знакомых девиц ходила сплетня, что этот член один из самых больших в районе. Миха привык считать, что это местная легенда, но легенда оказалась правдой. Член Петра медленно наливался тяжестью, раздвигаясь, как телескопическая дубинка, и Миха с лютой завистью смотрел на этот громадный конец, забыв и о том, что перед ним живая русалка, и о том, что приятель собирается с ней сделать.

А Петр жадно глядел на русалку, пожирая глазами её прелестную грудь — пожалуй, единственное, что в ней было красивого; и, слегка надрачивая, дожидался, пока крайняя плоть окончательно не обнажит головку. Только тогда он понял, что готов.

На глазах у Михи приятель опустился на четвереньки и, сдвинув головкой кожистую складку в русалочьем хвосте, медленно ввёл кончик в открывшееся влагалище.

Русалка снова дрогнула. Её глаза бессмысленно уставились на Петра, а тот, широко улыбаясь, продолжал погружать в неё свой нескончаемый член.

— Она такая узкая! И прохладная, — простонал Петр, — Тебе надо попробовать.

Член не погрузился и на половину — Петр выругался:

— Она ещё и короткая. А я-то думал, русалки глубоки, как бездна.

Миха пытался отвести взгляд, но это было невообразимо: его друг трахает русалку!

Петр начал немного подмахивать задом. Член выходил всего на пару сантиметров и с хлюпаньем погружался обратно. Серебристая влага потекла по хвосту на песок, лицо Петра исказилось — он явно пытался погрузиться ещё глубже, но сама природа не давала ему это сделать.

— Как же узко! Чёрт! — он поднял глаза на Миху, почти смеясь, — Она пульсирует, хватает меня за член. Озёрная шлюшка сама хотела, чтобы её трахнули. Чёрт возьми! Это такой кайф. Ты просто обязан попробовать.

Миха и сам уже был не прочь. Он чувствовал, как звенит конец, натягивая трусы. Головка уже подлезла под резинку и слегка побаливала от прилившей крови.

Но Петр ещё не закончил. Его широкие бёдра двигались ритмично, как гидромолот, с точностью слесарного станка выверая глубину толчков.

Влагалище хлюпало, исторгая всё новые и новые порции серебристой влаги.

— О чёрт, о чёрт, о чёрт!

Петр терял голову.

Всё ускоряясь, долбя всё жёстче и жёстче, зажмурив глаза и не видя лица русалки, которого едва не касался кончиком носа.

Восхищение Михи обратилось в ужас. Тонкие женские руки тянули с немыслимой силой, почти поднимая его из песка. Пришлось навалиться всем весом, отчего их с Петром головы отказались всего в двадцати сантиметрах друг от друга. Но в остальном русалка оставалась абсолютно тихой и неподвижной, и невозможно было понять испытывает она боль или наслаждение.

— Чёрт-чёрт-чёрт, чёрт! — строчил сквозь стиснутые зубы Петр, — она мне сейчас член оторвёт.

Он сделал ещё несколько толчков и замер, исторгая протяжный стон. Его тело выгнулось, бёдра прижались к русалочьему хвосту, будто член наконец прорвал невидимую преграду, не дававшую ему погрузиться полностью. Русалка ослабла и больше не пыталась поднять руки.

— Вот дьявол, — выдохнул Пётр, приподнимаясь над бледным холодным телом.

Миха бросил взгляд на русалочий хвост: влагалище снова закрылось кожистой складкой, вокруг которой желтели лужицы спермы. Сперма виднелась на животе русалки, отдельные капли застыли на её груди, медленно обращаясь в жидкость.

— Никогда такого кайфа не ловил, — Петр попытался выпрямиться, но ноги его дрожали. Он едва не упал, натягивая штаны: — Она так меня сжала! Думал вся конча обратно вольётся.

Он счастливо захохотал, шатаясь как пьяный:

— Давай, Миха! Давай! Ты же видишь, она сама этого хочет. Поэтому не сопротивляется.

Миха боялся пошевелиться. В штанах было тесно, русалка дышала легко и тихо, а её грудь соблазнительно вздымалась, но он не решался отпустить руки.

— Я подержу. Давай, Миха! — Петр толкнул его боком и схватил русалочьи запястья.

Миха замялся.

Петр держит русалку. Она открыта и незащищена: трахай — не хочу! Но всюду размазалась сперма, да и снимать штаны перед Петром как-то стыдно...

— Да не ссы ты, — Петр ухмыльнулся, — представь, что можно мужикам рассказать! Ты трахнул русалку. И это не брехня! Ну, прикинь!

Миха решился. Он спустил штаны, аккуратно сложил их в сторонке, рукавом куртки стёр сперму вокруг влагалища.

Его член торчал, изгибаясь к животу дугой, и казался куском багрового мяса в свете жёлтого фонаря

Миха опустился на колени над хвостом русалки, как это делал Петр, но длины члена не хватало, чтобы из такой позы войти во влагалище. Пришлось практически лечь на холодное тело, лоя подходящий угол, согнуть локти, распрямить ноги. Лицо русалки оказалось в жалких сантиметрах от лица Михи, и он не мог перестать с ужасом пялиться в её огромные плоские глазищи.

Петр с усмешкой наблюдал за неуклюжими попытками друга приспособиться к русалочьей дырке. Миха елозил задом, пытаясь головкой сдвинуть кожистую складку над влагалищем, как это делал Петр, но никак не мог попасть. Хотелось курить, и Петр дико жалел, что не догадался сразу достать сигарету.

Русалка не шевелилась ровно так же, как не шевелилась с момента поимки. Видимо на воздухе она дышала ничуть не хуже, чем в воде, а все Михины попытки насадить её на свой огрызок ей были до фонаря.

Петр начал скучать.

Как долго продержится Миха? Минуту? Две? При такой узкой дырке, дай Бог секунд тридцать. Секунд тридцать можно потерпеть.

Русалка дёрнулась, напрягая запястья. Петр немного сместил вес, чтобы крепче держать её руки.

Миха видно нащупал дырку и пытался просунуть головку.

Русалка дёрнулась снова.

Да что такое он с ней делает? Разве можно таким обрубком причинить ей боль, если она даже на член Петра не реагировала.

Петр взглянул на её лицо: русалка смотрела на Миху, слегка приподняв голову. Миха этого не замечал, увлечённо сопя и елозя членом по чешуйчатому хвосту. Он вызвал у неё интерес? Петр усмехнулся: да нет, ей просто надоело ждать. Сколько можно промахиваться! Сучка хочет секса.

Весёлая шутка так и просилась наружу. Петр даже открыл рот, чтобы подколоть Миху. Но слова так и застряли в глотке.

Шея русалки вытянулась, разверзлась пасть, и два ряда острых игл вонзились Михе в горло.

"Чавк!" — она выгрызла гортань.

"Чавк!" — лопнула артерия.

Побелевший Миха повалился набок. Горло булькало, руками он пытался зажать раны, но сквозь пальцы билась мелкими струйками кровь. Капли горели на сером песке, словно свежие угольки; расплзались, превращаясь в чёрные пятна. Окровавленная морда русалки равнодушно тарасилась в небо.

Голова зазвенела от нахлынувшей ледяной пустоты. Петр поднял руки и пополз к Михе, спотыкаясь на каждом сантиметре проклятого песка.

— Миха, — беззвучно прошептал он.

В глазах друга стоял кромешный ужас. Миха угасал, исчезал, растворялся в окружающей темноте, и Петр ничего не мог с этим сделать. Он схватил Миху за плечи и прижал к себе. Брызнули слёзы.

— Миха, Миха, Миха... — повторял, умолял, звал он. Но в руках его больше не было Михи. Лишь пустая оболочка, широко распахнутыми глазами тарасившаяся во мрак.

Послышался всплеск. Петр поднял голову.

Пустая сеть лежала на берегу. По воде расходились круги.

<http://tl.rulate.ru/book/4407/164506>